

Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 3. С. 403–421.

Ars Administrandi. 2022. Vol. 14, no. 3, pp. 403–421.

Научная статья

УДК 32.01+32:002:004.8(476)

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-403-421>

ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Елена Михайловна Ильина¹

¹ Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь, IlyinaEM@bsu.by, <https://orcid.org/0000-0002-9586-2679>

Аннотация. Введение: под воздействием искусственного интеллекта и других цифровых технологий и трендов из окружающей среды на «вход» политической системы неизбежно поступают импульсы с вариативными и неопределенными последствиями, кардинально преобразующие систему в целом или ее отдельные подсистемы и функции. В политологическом дискурсе осмыслению искусственного интеллекта как феномена современной политики и управления в условиях цифровой трансформации уделяется явно недостаточное внимание. **Цель:** раскрыть политологические основания искусственного интеллекта, выявить его особенности и потенциал для современной политической теории и практики государственного управления в контексте мирового опыта и белорусских политико-правовых реалий в условиях цифровой трансформации. **Методы:** дискурс-анализ, кейс-стади, системный методологический подход, SWOT-анализ, методология политического прогнозирования, компаративистика. **Результаты:** политические феномены объясняются, оцениваются и прогнозируются в контексте аналитики больших политико-управленческих данных, моделирования виртуально-реального интерфейса политической системы Web 3.0, автоматизации и интеллектуализации управленческой деятельности и политических практик, проактивного принятия политических решений и предоставления государственных услуг, цифрового профилирования и социального скоринга физических и юридических лиц, новых дипфейк-инструментов политики постправды и «мягкой силы» и др. **Выводы:** в условиях цифровой трансформации формируется политическая теория искусственного интеллекта, в рамках которой политологическим сообществом высшей школы разрабатываются новые программы и дисциплины по специальности «Политология» в сфере искусственного интеллекта. Применение технологий искусственного интеллекта в политике и управлении, с одной стороны, предопределено множеством существенных преимуществ и широких возможностей, с другой – имеет целый ряд слабых сторон и сопряжено с серьезными внешними рисками и угрозами, которые следует учитывать при принятии решений по вопросам внедрения технологий искусственного интеллекта в политическую систему.

Ключевые слова: политическая теория искусственного интеллекта, предиктивная аналитика больших данных, метавселенная, цифровое профилирование, интеллектуальный бот, дипфейк, SWOT-анализ

Для цитирования: Ильина Е. М. Политика и управление в условиях цифровой трансформации: политологический ракурс искусственного интеллекта // Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 3. С. 403–421. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-403-421>.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

POLITICS AND ADMINISTRATION UNDER CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION: A POLITICAL SCIENCE PERSPECTIVE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Elena M. Ilyina¹

¹ Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, IlyinaEM@bsu.by, <https://orcid.org/0000-0002-9586-2679>

Abstract. Introduction: under the influence of the artificial intelligence and other digital technologies and trends, the “input” of the political system inevitably receives from the environment the impulses producing variable and uncertain consequences and radically transforming the system as a whole or its individual subsystems and functions. The discourse of modern political knowledge does not seem to give due consideration to the political science understanding of artificial intelligence as a phenomenon of modern politics and administration in the context of digital transformation. **Objectives:** to reveal the political science foundations of artificial intelligence, to identify the features and potential of artificial intelligence for modern political theory and public administration practice in the context of world experience and Belarusian political and legal realities in the conditions of digital transformation. **Methods:** discourse analysis, case studies, systems methodological approach, SWOT analysis, political forecasting methodology, comparative studies. **Results:** political phenomena are explained, evaluated and predicted in the context of big political data analysis, Web 3.0 virtual-real interface modeling of political system, automation and intellectualization of managerial activities and political practices, proactive political decision-making and public service delivery, digital profiling and social scoring of individuals and legal entities, new deepfake tools for post-truth politics and “soft power”, etc. **Conclusions:** in the conditions of digital transformation, the political theory of artificial intelligence is being formed, within which the political science community of higher education develops new programs and disciplines for the specialty “Political Science” in the field of artificial intelligence. The use of artificial intelligence technologies in politics and administration, on the one hand, is predetermined by numerous significant advantages and wide opportunities; on the other hand, it is associated with a number of weaknesses, serious external risks and threats that should be taken into account when making decisions concerning the introduction of artificial intelligence technologies into the political system.

Keywords: political theory of artificial intelligence, big data predictive analytics, metaverse, digital profiling, intelligent bot, deepfake, SWOT analysis

For citation: Ilyina, E. M. (2022), “Politics and administration under conditions of digital transformation: A political science perspective of artificial intelligence”, *Ars Administrandi*, vol. 14, no. 3, pp. 403–421, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-403-421>.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях пандемии COVID-19 одной из наиболее значимых, но в то же время дискуссионных сквозных технологий цифровой трансформации является искусственный интеллект (от англ. Artificial Intelligence, AI; далее – ИИ). По прогнозам международной исследовательской корпорации International

Data Corporation, глобальный рынок ИИ, включая программное обеспечение, оборудование и услуги, достигнет 432,8 млрд долл. в 2022 году и превысит 500 млрд долл. в 2023-м, что делает ИИ одним из самых быстроразвивающихся технологических решений последних лет¹.

В академической и общественно-политической среде наблюдается стабильный рост интереса к ИИ в условиях отсутствия универсального подхода к сущности, особенностям и потенциалу данного экспериментального в своей основе междисциплинарного научного направления. Различным аспектам ИИ посвящено множество трудов зарубежных и белорусских ученых² (Бельский и др., 2019; Володенков, 2022; Даллакян, 2020; Кай-Фу Ли, 2019; Карпов и Храмов, 2022; Маркофф, 2017; Пашкевич, 2017; Davenport, 2018; Domingos, 2015; Ganascia, 2018; O'Neil, 2016 и др.).

В контексте актуализации темы ИИ в дискурсе современного политического знания можно отметить специальный выпуск российского издания «Журнал политических исследований» (Федорченко, 2020b), посвященный отдельным аспектам ИИ в сфере медиапространства, политики и государственного управления. Ряд вопросов о роли ИИ в мотивированном политическом познании нашел отражение в коллективной монографии российских ученых «Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах» (Сморгунов, 2021, с. 49–58). Однако остается широкий спектр нерешенных вопросов, требующих дополнительных исследований и усилий именно с позиций политической науки.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Под «цифровой трансформацией» в политологическом измерении (Ильина, 2020, с. 91–92) будем понимать исходящий из окружающей / внешней среды импульс / вызов на «входе» политической системы, кардинально преобразующий систему в целом или ее отдельные подсистемы, в частности институциональную, нормативно-регулятивную, функциональную, коммуникативную, культурно-идеологическую, и функции (артикуляция и агрегирование интересов, политическая коммуникация, рекрутирование и социализация, интеграция и мобилизация социума, сохранение и адаптация системы, принятие адекватных взаимосвязанных стратегических и тактических решений по основным направлениям внутренней и внешней политики, геополитический выбор и др.) под воздействием цифровых трендов и технологий (искусственный интеллект, большие данные, виртуальная и дополненная реальность, Интернет вещей, блокчейн, роботизация, аддитивные технологии и др.), имеющий неизбежный характер с неопределенными, вариативными и непредсказуемыми последствиями.

¹ IDC forecasts companies to increase spend on ai solutions by 19.6 % in 2022 [Электронный ресурс] // International Data Corporation. 2022. Feb., 15. URL: <https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS48881422> (дата обращения: 13.05.2022).

² Потанейко П. Развитие искусственного интеллекта в ЕАЭС: взгляд из Беларуси [Электронный ресурс] // Евразия Эксперт. 2018. 14 июня. URL: <https://eurasia.expert/razvitie-iskusstvennogo-intellekta-v-eaes-vzglyad-iz-belarusi/> (дата обращения: 15.06.2022).

Термин «искусственный интеллект» был введен в научный оборот на первом семинаре по ИИ в Дартмутском колледже (США) в 1956 году, что стало официальной точкой отсчета изучения ИИ как новой отрасли науки. Признанные в этой сфере ученые П. Норвиг и С. Рассел классифицируют существующие подходы к исследованию ИИ по четырем основным критериям: изучение ИИ в контексте достоверного воспроизведения способностей человека, то есть как системы: 1) думающей подобно людям (на основе когнитивного моделирования) или 2) действующей подобно людям (использование теста Тьюринга), и изучение ИИ в контексте рациональности / интеллектуальности, то есть как системы: 3) думающей рационально (на основе «законов мышления») или 4) действующей рационально (проектирование рациональных агентов) (Рассел и Норвиг, 2006, с. 35–40).

В научной литературе ИИ интерпретируется как: «раздел компьютерных наук, связанный с проектированием интеллектуальных компьютерных систем, то есть систем, демонстрирующих возможности, которые мы ассоциируем с интеллектом в поведении человека, – понимание языка, обучение, способность рассуждать, решать проблемы и т.д.» (Barr and Feigenbaum, 1981, p. 3); «свойство интеллектуальных систем выполнять функции (творческие), которые традиционно считаются прерогативой человека»³; «полностью или частично автономная самоорганизующая (и самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная (virtual) или киберфизическая (cyber-physical), в том числе биокибернетическая (bio-cybernetic), система (unit), не живая в биологическом смысле этого понятия, с соответствующим математическим обеспечением, наделенная / обладающая программно-синтезированными (эмулированными) способностями и возможностями мыслительных и когнитивных действий, обучения, саморегулирования, самостоятельного принятия решений и т.д.» (Морхат, 2018, с. 150–151).

Сегодня к перспективным методам ИИ относят следующие: методы представления знаний (системы правил и фреймов, семантические сети); методы приобретения знаний (прямые методы, методы извлечения знаний из данных (машинного обучения) и текстов); интеллектуальный анализ данных (логические, статистические и вычислительные методы); методы автоматизации рассуждений (выделение и моделирование дедуктивных, индуктивных, аргументационных, абдуктивных рассуждений, а также рассуждений на основе прецедентов и по аналогии); методы интеллектуального планирования поведения при классических допущениях; методы интеллектуального анализа неструктурированной информации (Соколов, 2019, с. 366–368). Внедрение специализированных цифровых методов сбора и обработки эмпирической информации характеризует становление и прикладное применение «цифровой политологии» как отрасли исследования политических феноменов, стимулированной процессами трансформации социального посредством цифровых технологий (Антанович, 2020, с. 83).

Оценивая состояние текущих исследований политологических аспектов развития ИИ в целом, можно согласиться с мнением доктора политических

³ Аверкин А. Н., Гаазе-Рапопорт М. Г., Поспелов Д. А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. М.: Радио и связь, 1992 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.raai.org/library/tolk/aivoc.html#L208> (дата обращения: 15.06.2022).

наук И. А. Быкова, что несмотря на наметившийся в последние годы тренд повышения интереса со стороны политологов к технологиям и методам ИИ, большинство публикаций по вопросам ИИ «имеют лишь косвенное отношение к центральным проблемам политической науки» и опубликованы «в журналах по техническим наукам, философии науки и техники, в журналах по цифровым коммуникациям и т.п.» (Быков, 2020, с. 30), и констатировать, что политологическому осмыслению ИИ как феномена политики и управления в условиях цифровой трансформации с учетом белорусских политико-правовых реалий уделяется явно недостаточное внимание. Настоящая статья, как первое в белорусской академической политологии целенаправленное исследование политологического ракурса ИИ, призвана отчасти восполнить этот пробел. Исходной теоретической предпосылкой выбора общей концепции исследования является тезис о том, что «ядром государственной политики выступает процесс принятия управленческих решений, а государственная политика является ядром государственного управления» (Решетников, 2003, с. 5).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Использование ИИ для анализа больших данных в политике и государственном управлении позволяет значительно упростить процесс принятия решений в условиях неопределенности, что тесно связано с концепцией Data-Driven Political Campaign (Dommett, 2019, с. 5–7) (применение больших данных, преимущественно в электоральных кампаниях, включающее стадии сбора и алгоритмического анализа массива информации для выстраивания психограмм избирателей, сегментирования аудитории и политического микротаргетинга, – например, скандальная практика влияния на результаты выборов британской аналитической компании Cambridge Analytica) и парадигмой Data-Driven Government (принятие управленческих решений институтами государственной власти с помощью интеллектуальных систем поддержки принятия решений на основе технологий и методов анализа больших данных – к примеру, с учетом российского опыта Казахстан в 2021 году анонсировал переход к эффективному государственному управлению, основанному на цифровых данных).

В контексте *предиктивной аналитики больших данных* интересен многолетний опыт представителей Пермской научной школы искусственного интеллекта⁴ по проектированию, обучению и тестированию нейросетевых математических моделей для выявления закономерностей и прогнозирования результатов президентских и парламентских выборов в России и разработки рекомендаций по улучшению рейтинга политических лидеров. В частности, пермскими учеными за полтора года до президентских выборов 2008 года была спрогнозирована победа Д. А. Медведева, когда его личность как политика была еще мало известна (Ясницкий, 2008, с. 150–154). В рамках возмож-

⁴ Пермское отделение Научного Совета Российской Академии Наук по методологии искусственного интеллекта: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.permai.ru/> (дата обращения: 13.05.2022).

ности моделирования искусственной нейронной сети, имитирующей функционирование реальной политической системы, можно отметить попытку украинского исследователя Н. А. Полевого разработать нейроподобную имитационную модель, призванную преодолеть «общий изъян моделей политической системы Д. Истона, Г. Алмонда и К. Дойча – избыточное агрегирование этапов подготовки и реализации политических решений, учитывающее “макрополитические факторы”, но не дающее возможностей анализа “микровлияний” на эти решения, которые и вызывали наличие значительных отличий между теоретическими моделями политической системы и ее конкретно-историческими воплощениями» (Полевой, 2011, с. 200).

ИИ и машинное обучение, расширяя предиктивный потенциал технологии моделирования цифровых двойников (от англ. digital twin) – виртуальных аналогов любых физических объектов или процессов (например, 3D-карта Сингапура или трехмерная модель левых камер сердца пациента от Philips Heart Model), становятся ядром системы «интеллектуальных двойников» (Intelligent Twins) – новой открытой архитектуры для интеллектуальной трансформации государственных органов и городских служб (интеллектуальный двойник города), отраслей промышленности (интеллектуальный двойник промышленности) и предприятий (интеллектуальный двойник бизнеса), способной «воспринимать трехмерные объекты, взаимодействовать в любых областях, выносить точные решения и непрерывно эволюционировать воспринимать все измерения, совместно работать в любых сферах деятельности, выносить точные суждения и непрерывно эволюционировать, обеспечивая интеллектуальный опыт для людей, городов будущего и предприятий во всех сценариях»⁵.

В условиях конвергенции физической и искусственной реальности ИИ является одним из главных факторов развития концепции «олицетворенного» Интернета / Web 3.0 – *метавселенной* (от греч. meta – за пределами, вне; от англ. metaverse), которую в политологическом ракурсе можно представить как новый трехмерный виртуально-реальный интерфейс политической системы, децентрализованно управляемый множеством индивидуальных и коллективных цифровых политических акторов (цифровые персональные копии реальных людей / аватары, боты, виртуальные политические институты и др.) посредством формальных и неформальных форм цифровых политических практик (блокчейн-демократия, цифровая политическая изоляция, цифровая гражданственность, онлайн-митинги, цифровые GR-технологии и др.).

На современном этапе концепция метавселенной постепенно выходит за рамки цифровых развлечений и видеоигр, а развитие обслуживающих ее программных и аппаратных решений начинает трансформировать потребительские продукты, цифровую среду промышленности, бизнеса и креативных индустрий. Разработка и внедрение новых пользовательских нейрокомпьютерных интерфейсов (от англ. brain-computer interface (BCI) – нейрокомпью-

⁵ *Intelligent Twins*. Совместное создание интеллектуальных двойников и построение мира интеллектуальных технологий. Huawei, IDC, 2020. P. 28 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.huawei.ru/intelligent-twins/> (дата обращения: 13.05.2022).

терный интерфейс) может изменить культуру политических коммуникаций. На официальном уровне к данной дискуссионной проблематике впервые обратился в 2021 году Президент Российской Федерации В. В. Путин в ходе конференции по искусственному интеллекту и анализу данных, отметив, что «нужно использовать возможности метавселенных, чтобы люди могли общаться, вместе работать, учиться, реализовывать совместные творческие и деловые проекты, невзирая на какие бы то ни было – даже очень большие – расстояния»⁶. Премьер-министр Японии Фумио Кисида, выступая в Бюджетном комитете Палаты представителей 26 мая 2022 года, заявил: «Мы уверены, что внедрение новых цифровых сервисов, таких как метавселенная, приведет к экономическому росту Японии. Поскольку мы вступаем в эру Web 3, я твердо убежден, что мы должны решительно продвигать эту среду с политической точки зрения»⁷.

Главы таких крупных технологических компаний, как Meta (организация, запрещенная на территории Российской Федерации), Microsoft, Nvidia, Tencent, Baidu, презентовали свои проекты создания метавселенных; правительство Барбадоса подписало соглашение о покупке участка виртуальной земли в метавселенной Decentraland для открытия цифрового посольства; крупнейший банк Великобритании HSBC приобрел виртуальную недвижимость в метавселенной Sandbox в целях сотрудничества с поставщиками финансовых услуг и др. По мнению аналитиков Gartner, несмотря на то, что внедрение технологий метавселенной фрагментарно и находится пока в зачаточном состоянии, к 2026 году 30 % организаций в мире будут готовы предоставлять продукты и услуги в метавселенной, а 25 % населения будут проводить в ней не менее часа в день для работы, покупок, образования или развлечений⁸. Согласно отчету международного банка Citibank, к 2030 году объем рынка метавселенной может достигнуть от 8 до 13 трлн долл. с числом пользователей около 5 млрд и стать следующим поколением Интернета⁹. Однако, как показывают результаты исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения, 90 % россиян не знакомы с понятием «метавселенная», более четверти респондентов (27 %) заявили, что им было бы интересно побывать в метавселенной в качестве своей цифровой копии, а 37 % опрошенных уверены, что от создания метавселенных будет больше вреда, чем пользы¹⁰.

⁶ Конференция по искусственному интеллекту [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. 2021. 12 нояб. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67099> (дата обращения: 16.05.2022).

⁷ 岸田総理「Web3は日本の経済成長につながると確信」衆院予算委員会で環境整備の必要性に言及 [Электронный ресурс] // CoinPost. 2022. May, 26. URL: <https://coinpost.jp/?p=353466> (дата обращения: 01.06.2022).

⁸ Gartner predicts 25% of people will spend at least one hour per day in the metaverse by 2026 [Электронный ресурс] // Gartner. 2022. Feb., 7. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2022-02-07-gartner-predicts-25-percent-of-people-will-spend-at-least-one-hour-per-day-in-the-metaverse-by-2026> (дата обращения: 01.06.2022).

⁹ Metaverse and money: Decrypting the future [Электронный ресурс] // Citi GPS. 2022. March, 30. URL: https://icg.citi.com/icghome/what-we-think/citigps/insights/metaverse-and-money_20220330 (дата обращения: 01.06.2022).

¹⁰ В аватары я готов! Пусть меня научат... Что такое «метавселенная» россияне пока

Активное внедрение технологий ИИ, включая компьютерное зрение, распознавание и синтез речи, обработку естественного языка, интеллектуальную поддержку принятия решений, способствует развитию систем *цифрового профилирования физических и юридических лиц*. Такие системы применяются как для управления государственными данными посредством сбора, алгоритмической обработки, анализа и предоставления персональных, в том числе биометрических, сведений, образующих цифровой профиль, с согласия человека или организации по запросу органа власти через соответствующие электронные платформы (реализуемый в России пилотный проект по формированию Национальной системы управления данными (Виноградова и др., 2021) и др.), так и для *социального скоринга* (от англ. score – оценка) – алгоритмического оценивания и рейтингования индивидуальных и коллективных субъектов на основе социальных характеристик, полученных в результате мониторинга поведенческих офлайн- и онлайн-активностей, позволяющих прогнозировать их поведение (функционирующая в Китае Система социального кредита, законодательно закреплённая Гражданским кодексом в 2021 году).

Данные социологических опросов показывают, что около 80 % китайских граждан демонстрируют весьма высокий уровень доверия к апробированным в Китае управленческим инновациям в сфере социального рейтингования, а также к цифровым практикам сбора и обработки персональной информации, считая их частью повседневной жизни (Kostka, 2019, p. 1573). При этом большая доля россиян до сих пор не определилась со своим отношением к инициативам правительства по внедрению в государственное управление технологий формирования цифровых профилей и социального грейдинга, а также в значительной степени склонна не доверять государству и особенно частным коммерческим структурам в области управления персональными данными. Около трети российских респондентов считает целесообразным социальный скоринг государственных служащих и субъектов хозяйствования, но видит угрозу своим правам и интересам в случае массового социального ранжирования рядовых граждан (Рувинский и др., 2021, с. 74–76).

Сравнительно новыми ИИ-решениями в политическом и государственном секторах являются *интеллектуальные боты* (от англ. bot, сокращение от robot) – автоматизированные самообучающиеся алгоритмы, имитирующие поведение реальных политических акторов в новых социальных сетевых медиа для конструирования политической реальности (Коньков, 2019, с. 16–17) и оказания влияния на общественное мнение (бот-политик Michihito Matsuda, занявший третье место на выборах мэра в японской столице; виртуальный политик Sam для общения с электоратом в Новой Зеландии; доброкачественные и вредоносные типы бот-технологий в избирательных практиках США, Великобритании, Венесуэлы, Бразилии, Японии (Васильков и Легостаева, 2019, с. 124–126); искусственное управление общественным мнением (астротурфинг) и др.) или на платформах электронных государственных услуг для быстрой обработки запросов граждан, сбора необходимой инфор-

не знают, но каждый четвертый уже готов попробовать [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 2022. 16 февр. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/v-avatory-j-gotov-pustmenja-nauchat> (дата обращения: 01.06.2022).

мации, виртуальной помощи в решении различных проблем и оптимизации работы государственных структур (интероперабельная сеть ИИ-приложений Bürokratt в Эстонии, виртуальный помощник Emma в США, медицинский онлайн-ассистент Olivia в Великобритании и др.).

По данным опроса научно-исследовательского института CGC, 51 % европейцев поддерживают сокращение числа парламентариев и передачу их депутатских мест алгоритмам ИИ¹¹. В своих предпочтениях они солидарны с российским большинством: согласно опросу исследовательского центра портала SuperJob по заказу интернет-издания «Газета.ru», идею замены депутатов Государственной Думы алгоритмами ИИ одобряют 53 % россиян, полагающих, что такая мера поможет обеспечить реальный учет интересов различных слоев населения и снизить коррупцию¹². Оставшиеся 47 % российских респондентов относятся к данной идее отрицательно в связи с опасениями «восстания машин», а также возможностью мошенничества и недостаточной транспарентностью механизмов принятия решений. При этом чем моложе опрошенные европейцы и россияне, тем больше среди них сторонников роботизации законодательных органов власти. Однако ряд аналитиков считают, что результаты данных опросов свидетельствуют скорее не об эффективности технологий ИИ, а в целом о сложившемся уровне политического доверия граждан к представителям власти. Российский лидер В. В. Путин, отвечая на вопрос «Может ли искусственный интеллект стать Президентом?», сказал: «Надеюсь, что нет... У всего искусственного, в том числе и у искусственного интеллекта, нет сердца, души, нет чувства сострадания и совести. Все эти компоненты чрезвычайно важны для людей, которых граждане наделяют особыми полномочиями в принятии и реализации решений, идущих на благо страны. ... Но, без всякого сомнения, искусственный интеллект может быть хорошим подспорьем, хорошим помощником, даже учителем любого человека, и главы государства в том числе. ... Роль и значение искусственного интеллекта в государственном управлении, безусловно, будет возрастать»¹³.

Новым универсальным и эффективным медиаинструментом политики постправды¹⁴ и «мягкой силы» (Федорченко, 2020а, с. 44) в условиях информационного противоборства становятся дипфейки (от англ. deep learn-

¹¹ Jonsson O., De Tena C. L. European Tech Insights 2021: Mapping European attitudes towards technological change and its governance [Электронный ресурс] // IE University, Center for the Governance of Change. 2021. Jan. URL: <https://www.ie.edu/cgc/research/european-tech-insights/> (дата обращения: 28.05.2022).

¹² Каждый второй россиянин считает, что депутатов Госдумы можно заменить искусственным интеллектом [Электронный ресурс] // Исслед. центр портала Superjob.ru. 2021. 15 июня. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112888/kazhdyj-vtoroj-rossiyanin-schitaet/?fbclid=IwAR13C6rJkNxiHlFAxSahUDHWyN5502n5PGzabBPVA6RkUqHel5UskM4enFw> (дата обращения: 01.06.2022).

¹³ Конференция по искусственному интеллекту [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Президента России. 2020. 4 дек. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64545> (дата обращения: 25.05.2022).

¹⁴ От постправды к «неопровержимой лжи». Интервью с профессором РАН К. В. Воронцовым [Электронный ресурс] // Научная Россия. 2022. 27 июня. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/ot-postpravdy-k-neoproverzimoj-lzi-professor-ran-konstantin-voroncov-ob-informacionnoj-bezopasnosti-i-novyh-vyzovah-epohi> (дата обращения: 28.06.2022).

ing – глубокое обучение и fake – подделка) –медиаконтент на основе ИИ, синтетически создаваемый посредством генерирования нейронными сетями по генеративно-состязательному принципу новых изображений, видеороликов, аудиофайлов из исходных наборов данных.

В Республике Беларусь проблема дипфейков стала активно включаться в политическую повестку дня с 2020 года. На совещании с руководством ведущих государственных СМИ глава государства А. Г. Лукашенко подчеркнул, что «дипфейки, так называемая постправда, когда аудиторией умело манипулируют, намеренно уводя от действительно важных проблем... сродни химическому оружию»¹⁵.

В политологическом ракурсе наиболее показательны следующие направления применения дипфейк-технологии:

- конструктивная практика привлечения электората и продвижения политического имиджа кандидата, в том числе среди молодежи (например, вирусное распространение дипфейкового мультязычного агитационного ролика индийского политика Маноджа Тивари в 2020 году и дипфейк-аватар кандидата в президенты Южной Кореи Юн Сок Ёля в 2022-м);

- дезинформация, манипулирование избирателями в политических кампаниях, провокация, дискредитация, шантаж и кибербуллинг политических оппонентов (фальшивый видеоролик 2018 года, где 45-й президент США Дональд Трамп обращается к гражданам Бельгии с призывом отказаться признать Парижское климатическое соглашение; дипфейк-видео 2019 года, обличающее спикера Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси в пьянстве; пародийное видео того же 2019 года с оскорбительными высказываниями бывшего премьер-министра Италии Маттео Ренци в адрес коллег-политиков и др.);

- делегитимация институтов власти и дестабилизация политической системы, деструктивное информационное воздействие и искажение глобального информационного поля, дискредитация государства (подозрения общественности в фальшивом характере видеообращения президента Габона Али Бонго к нации спровоцировали попытку государственного переворота в 2018 году; ложное видеозаявление главы российского государства В. В. Путина об итогах российско-украинских переговоров 2022 года).

По прогнозам аналитиков Gartner, объемы данных, сформированных генеративным искусственным интеллектом, будут только расти и к 2025 году могут достичь 10 % от общего объема всей производимой информации¹⁶. Причем алгоритмически сгенерированный дипфейк-контент становится все более реалистичным, поэтому серьезные опасения вызывает потенциал применения данной технологии для нанесения ущерба национальным интересам, подрыва информационного суверенитета и национальной безопасности. На территории

¹⁵ *Совещание с руководителями ведущих государственных СМИ [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал Президента Респ. Беларусь. 2020. 11 февр. URL: <https://president.gov.by/ru/events/soveschaniye-s-rukovoditeljami-veduschix-gosudarstvennykh-smi-23018> (дата обращения: 01.06.2022).*

¹⁶ *Gartner identifies the top strategic technology trends for 2022 [Электронный ресурс] // Gartner. 2021. Oct., 18. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2021-10-18-gartner-identifies-the-top-strategic-technology-trends-for-2022> (дата обращения: 03.06.2022).*

Республики Беларусь, по данным Следственного комитета, в 2022 году впервые возбуждено уголовное дело за покушение на мошенничество в крупном размере, совершенное злоумышленниками при помощи дипфейк-видеозаписи с пропавшим без вести человеком с целью выманивания денег у его родственников¹⁷.

Однако законодательное регулирование отношений в сфере распространения и использования дипфейк-технологий находится на этапе формирования. На сегодняшний день ответственность за противоправное распространение и использование дипфейков предусмотрена в Китае и на уровне штата Калифорния в США. В России проводится анализ возможностей ограничения неконтролируемого распространения дипфейков в контексте уже принятых нормативных правовых актов, направленных на борьбу с недостоверными данными, которые публикуются под видом общественно значимой достоверной информации (Иванов и Игнатовский, 2020, с. 383). В Беларуси вопрос о регулировании дипфейков в рамках текущего законодательства также пока не решен.

Со стороны государственного сектора увеличивается спрос на *беспилотные летательные аппараты и комплексы, оснащенные системами управления на основе ИИ* и применяемые как для поисково-спасательных работ, строительства, логистики, мониторинга и охраны природных объектов и городской инфраструктуры (Национальной академией наук Беларуси налажено серийное производство беспилотных авиакомплексов «Бусел» и «Буревестник»), так и для выполнения военных задач в контексте новой парадигмы ведения боевых действий и интеллектуализации вооружения (американская концепция «мозаичной войны» (Mosaic warfare), испытание наступательной тактики роя беспилотников в рамках программы OFFSET от DARPA (США) (Кутахов и Титов, 2021, с. 219)). Одним из ключевых высокотехнологичных секторов белорусской экономики остается оборонно-промышленный комплекс, с учетом российского опыта активно ведется работа по созданию отечественных ударных беспилотных комплексов и роботизированных средств огневого поражения¹⁸. Интенсивно развивается *рынок беспилотной сельскохозяйственной, карьерной, горнодобывающей техники и пассажирских перевозок* в условиях разворачивания беспилотных технологий на базе ИИ, 5G-сетей и периферийных вычислений (согласно данным консалтинговой компании Research and Markets, по итогам 2021 года мировой рынок беспилотных автомобилей оценен в 20,3 млн штук с доминированием автопроизводителей из США, Германии и Японии)¹⁹.

¹⁷ Мошенники прислали видео с пропавшим человеком и потребовали выкуп. Выяснилось, что это обман с помощью нейросетей [Электронный ресурс] // Минск-Новости. 2022. 10 марта. URL: <https://minsknews.by/propavshij-bez-vesti-spustya-gody-prislal-seme-video-s-trebovaniem-vykupa-novye-tehnologii-afery/> (дата обращения: 02.06.2022).

¹⁸ Совещание по вопросу государственного оборонного заказа Беларуси на 2022 год [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал Президента Респ. Беларусь. 2022. 10 мая. URL: <https://president.gov.by/ru/events/soveshchanie-po-voprosu-gosudarstvennogo-oboronnogo-zakaza-belarusi-na-2022-god> (дата обращения: 31.05.2022).

¹⁹ Autonomous vehicle market by autonomy level, powertrain type, components, and supporting technologies including 5G, AI, and edge computing 2022–2027 [Электронный ресурс] // Research and Markets. 2022. Feb. URL: <https://www.researchandmarkets.com/reports/5241675/autonomous-vehicle-market-by-autonomy-level> (дата обращения: 01.06.2022).

С каждым годом появляется все больше *ИИ-решений в сфере автоматизации политической журналистики*, которые не только облегчают выполнение ряда рутинных задач журналистского труда (мониторинг и анализ новостной повестки дня политики, определение инфоповодов, проверка фактов и поиск источников политической информации), но и берут на себя часть работ по непосредственному созданию политического контента (например, машинный алгоритм обработки естественного языка GPT-3 способен написать статью для The Guardian, автоматизированная система Heliograf используется Washington Post для освещения местных выборов). Трудно переоценить потенциал алгоритмов ИИ для политического спичрайтинга.

Технология ИИ вызывает множество споров в мировом сообществе, что актуализирует анализ ее сильных (Strengths) и слабых (Weaknesses) сторон с точки зрения возможностей (Opportunities) и угроз (Threats) внешней среды (SWOT-анализ). Проведем базовый SWOT-анализ ИИ-решений в контексте политической теории и практики государственного управления в Республике Беларусь с учетом мирового опыта (табл.).

Таблица / Table

Базовый SWOT-анализ ИИ-решений в контексте политической теории и практики государственного управления в Республике Беларусь с учетом мирового опыта / Basic SWOT analysis of AI solutions in the context of political theory and public administration practice in the Republic of Belarus with regard of the world experience

Сильные стороны / преимущества	Слабые стороны / недостатки
1. Аналитика больших данных в политике и государственном управлении, в том числе политическое прогнозирование. 2. Цифровое развитие государственно-го управления и проактивное предоставление государственных услуг. 3. Моделирование интеллектуальных двойников политических институтов и трехмерного виртуально-реального интерфейса политической системы Web 3.0. 4. Интеллектуализация республиканской системы мониторинга общественной безопасности, цифровое профилирование и социальный скринг физических и юридических лиц. 5. Роботизация и интеллектуализация вооружения и военной техники. 6. Автоматизация и интеллектуализация управленческой деятельности и политических практик.	1. Дефицит необходимых вычислительных мощностей, отечественного производства полупроводниковой продукции и готовых конечных ИИ-продуктов для белорусских потребителей. 2. Человеческий фактор и алгоритмическая предвзятость ИИ в контексте искажений политической действительности, дискриминации отдельных групп граждан и распространения языка ненависти в Интернете. 3. Проблема конфиденциальности информации, защиты персональных данных и интеллектуальной собственности. 4. Цифровой разрыв, недостаточный уровень развития цифровой и политической культуры, трансформация рынка труда. 5. Правовая и этическая неопределенность, проблема доверия к технологиям ИИ. 6. Недостаток высокорейтинговых научных публикаций, патентов и стандартов в области ИИ.

Сильные стороны / преимущества	Слабые стороны / недостатки
7. Продвижение политического имиджа кандидата и привлечение электората. 8. Формирование общественного мнения и государственная пропаганда.	7. Кадровый голод в ИИ-секторе. 8. Политика постправды, астротурфинг, провокация, дискредитация, шантаж и кибербуллинг политических оппонентов. 9. Делегитимация институтов власти и дестабилизация политической системы

Возможности внешней среды	Угрозы / риски со стороны внешней среды
1. Формирование позитивного имиджа высокотехнологичного государства на международной арене. 2. Улучшение позиций страны в мировых рейтингах развития цифровых технологий как индикатор инвестиционной привлекательности. 3. Международный информационный обмен и конструктивное региональное и международное научно-техническое сотрудничество в сфере ИИ и информационной безопасности. 4. Расширение присутствия государства на мировом IT-рынке и привлечение в экономику IT-специалистов и технологий мирового уровня. 5. Расширение доступа к мировым достижениям науки и технологий, внедрение автоматизированных систем управления интеллектуальной собственностью. 6. Популяризация цифровых технологий среди широких слоев населения и их дальнейшая интеграция в другие сферы политики и государственного управления.	1. Технологическая зависимость критически важных объектов информатизации от импорта иностранного программного обеспечения. 2. Утечка мозгов из IT-сектора. 3. Ограничение доступа к международным цифровым платформам и хранилищам данных, патентная блокада и другие санкционные риски. 4. Инструмент «мягкой силы» и деструктивного информационного воздействия в условиях информационного противоборства. 5. Дискредитация государства, подрыв информационного суверенитета и национальной безопасности. 6. Отсутствие связей и опыта для выхода на международный рынок высокоинтеллектуальной продукции, снижение интереса к белорусским ИИ-стартапам со стороны венчурных фондов. 7. Вызовы кибертерроризма, способные оказать влияние на процесс принятия решений государственными институтами и воспрепятствовать политической деятельности.

Источник: составлено автором.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на более чем полувековую историю ИИ, данный научно-популярный концепт представителями естественнонаучных и гуманитарных специальностей трактуется неоднозначно. На фоне отсутствия универсальной, конвенционально признаваемой нормативной дефиниции ИИ критерий рациональности превалирует в большинстве актуальных определений ИИ.

В условиях цифровой трансформации формируется *политическая теория ИИ* как относительно автономная специфическая система политического знания, отражающая, объясняющая, оценивающая и прогнозирующая политические феномены в контексте аналитики больших политико-управленческих данных,

моделирования трехмерного виртуально-реального интерфейса политической системы Web 3.0 и интеллектуальных двойников политических институтов, автоматизации и интеллектуализации управленческой деятельности и политических практик, проактивного принятия политических решений и предоставления государственных услуг, цифрового профилирования и социального скоринга физических и юридических лиц, новых дипфейк-инструментов политики постправды и «мягкой силы» в условиях информационного противоборства и новой парадигмы «мозаичных» боевых действий. При этом в рамках данной теории любой политический феномен не может обладать однажды выработанной универсальной трактовкой, поскольку детерминирован и темпорально измеряется доминирующей исторической общественно-политической парадигмой, развивается в рамках ее понятийно-категориального аппарата.

В тренде междисциплинарного синтеза и государственного заказа на подготовку высококвалифицированных специалистов межпредметного характера для цифровой экономики политологическим сообществом высшей школы в рамках политической теории ИИ разрабатываются *новые программы и дисциплины по специальности «Политология» в сфере ИИ*: для студентов отделения политологии юридического факультета Белорусского государственного университета читается учебная дисциплина «Политика в сфере цифровой трансформации»²⁰; в России в Высшей школе экономики в рамках магистерской программы «Прикладная политология» преподается учебный курс «От больших данных к принятию политических решений», на факультете политологии МГУ осуществляется прием на программу подготовки магистров «Искусственный интеллект и цифровые технологии в современной политике»; в немецкой Школе управления Hertie для магистров государственной политики разработан курс “Governance and politics of artificial intelligence” и др.

Как показал проведенный автором базовый SWOT-анализ, применение технологий ИИ в политике и управлении, с одной стороны, предопределено множеством существенных преимуществ и широких возможностей при полной государственной поддержке перспективных цифровых технологий в условиях конструктивного сотрудничества по линии «государство – частный сектор», региональной и международной кооперации, а с другой – имеет целый ряд слабых сторон, сопряжено с серьезными внешними рисками и угрозами, которые следует учитывать при принятии стратегических решений о внедрении ИИ в белорусскую политическую систему в условиях неопределенности современной геополитической ситуации и санкционных ограничений. При этом сильные стороны и возможности ИИ могут легко трансформироваться в его слабые стороны и риски. Республике Беларусь необходимо сформировать собственную позицию по вопросам организационно-управленческого, нормативно-правового и информационно-аналитического обеспечения развития предиктивного ИИ, машинного обучения и других технологий Web 3.0, от которых уже сегодня зависит глобальный технологический ландшафт и фактически место нашей страны на цифровой карте мира.

²⁰ Ильина Е. М. Политика в сфере цифровой трансформации: учеб. прогр. учреждения высш. образования по учеб. дисциплине для специальности: 1-23 01 06 Политология. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2020. 36 с.

Список источников

Антанович Н. А. Основные направления становления и прикладного применения «цифровой политологии» // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1: Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. 2020. № 1. С. 77–85.

Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах / Отв. ред. Л. В. Сморгун. М.: РОССПЭН, 2021. 310 с.

Бельский В., Маркевич Д., Сатолина М. Концептуальные направления правового обеспечения внедрения искусственного интеллекта // Наука и инновации. 2019. № 11. С. 58–63.

Быков И. А. Искусственный интеллект как источник политических суждений // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4, № 2. С. 23–33. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-23-33>.

Василькова В. В., Легостаева Н. И. Социальные боты в политической коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 1. С. 121–133. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-121-133>.

Виноградова Е. В., Полякова Т. А., Минбалева А. В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 4. С. 5–19. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5\(4\).5-19](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19).

Володенков С. В. Политика в цифровом формате в исследованиях российских и зарубежных ученых // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 3. С. 339–350. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-339-350>.

Даллакян К. А. Техносоциальное неравенство в цифровую эпоху // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26, № 1. С. 82–96. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-82-96>.

Иванов В. Г., Игнатовский Я. Р. Deepfakes: перспективы применения в политике и угрозы для личности и национальной безопасности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7, № 4. С. 379–386. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2020-7-4-379-386>.

Ильина Е. М. Политологическое измерение цифровой трансформации: от теоретической концептуализации к учебной дисциплине // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1: Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. 2020. № 2. С. 87–93.

Кай-Фу Ли. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок / Пер. с англ. Н. Константиновой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 240 с.

Карпов О. Э., Храмов А. Е. Информационные технологии, вычислительные системы и искусственный интеллект в медицине. М.: ДПК Пресс, 2022. 480 с.

Коньков А. Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 6. С. 6–28. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-6-1>.

Кутахов В. П., Титов А. Е. Крупномасштабные авиационные системы с беспилотными летательными аппаратами – новая парадигма боевых дей-

ствий // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2021. № 19. С. 212–221. <https://doi.org/10.24412/2500-4352-2021-19-212-221>.

Маркофф Д. Homo Roboticus? Люди и машины в поисках взаимопонимания / Пер. с англ. В. Ионова, С. Махарадзе. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 406 с.

Морхат П. М. Право и искусственный интеллект. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 543 с.

Пашкевич В. М. Автоматизация проектирования и испытаний редуцирующих механизмов на основе использования функциональных семантических сетей // Вестник Белорусско-Российского университета. 2017. № 4. С. 51–59.

Полевой Н. А. Применение искусственных нейронных сетей в исследовании политических систем // Казанская Наука. 2011. № 3. С. 200–203.

Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект. Современный подход / Пер. с англ. К. А. Птицына. 2-е изд. М.: Вильямс, 2006. 1408 с.

Решетников С. В. Теория процесса принятия управленческих решений. Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2003. 152 с.

Рувинский Р. З., Рувинская Е. А., Комарова Т. Д. Общественное восприятие практик цифрового профилирования и социального рейтингования: ситуация в России и Китае // Социодинамика. 2021. № 12. С. 56–76. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.12.36824>.

Соколов И. А. Теория и практика применения методов искусственного интеллекта // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89, № 4. С. 365–370. <https://doi.org/10.31857/S0869-5873894365-370>.

Федорченко С. Н. Значение искусственного интеллекта для политического режима России: проблемы легитимности, информационной безопасности и «мягкой силы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020а. № 1. С. 41–53. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-1-41-53>.

Федорченко С. Н. Искусственный интеллект в сфере политики, медиапространства и государственного управления: размышления над тематическим портфелем // Журнал политических исследований. 2020b. Т. 4, № 2. С. 3–9. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-3-9>.

Ясницкий Л. Н. О возможностях применения методов искусственного интеллекта в политологии // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2008. № 2. С. 147–155.

Davenport T. The AI advantage: How to put the artificial intelligence revolution to work. Cambridge, MA: MIT Press, 2018. 248 p.

Domingos P. The master algorithm: How the quest for the ultimate learning machine will remake our world. New York: Basic Books, 2015. 352 p.

Dommett K. Data-driven political campaigns in practice: Understanding and regulating diverse data-driven campaigns [Электронный ресурс] // Internet Policy Review. 2019. Vol. 8, № 4. P. 1–18. <https://doi.org/10.14763/2019.4.1432>. URL: <https://policyreview.info/articles/analysis/data-driven-political-campaigns-practice-understanding-and-regulating-diverse-data> (дата обращения: 27.06.2022).

Ganascia J.-G. Artificial intelligence: Between myth and reality [Электронный ресурс] // The UNESCO Courier. 2018. № 3. P. 7–9. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265238> (дата обращения: 27.06.2022).

Handbook of artificial intelligence / Ed. by A. Barr, E. A. Feigenbaum. In 3 vol. Vol. 1. Los Altos, CA: William Kaufman, Inc., 1981. 409 p.

Kostka G. China's social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval // *New Media & Society*. 2019. Vol. 21, № 7. P. 1565–1593. <https://doi.org/10.1177/1461444819826402>.

O'Neil C. Weapons of math destruction: How Big Data increases inequality and threatens democracy. New York: Crown Publishing Group, 2016. 259 p.

Информация об авторе

Е. М. Ильина – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета, 220030, Беларусь, г. Минск, пр-т Независимости, 4

SPIN-код (РИНЦ): 4712-3130

AuthorID (РИНЦ): 963457

Web of Science ResearcherID: CAI-4574-2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 09.06.2022; одобрена после рецензирования 08.08.2022; принята к публикации 08.08.2022.

References

Antanovich, N. A. (2020), "The main directions of the formation and application of digital political science", *Vestnik of Brest University. Series 1: Philosophy, politology, sociology*, no. 1, pp. 77–85.

Smorgunov, L. V. (ed.) (2021), *Autsorsing politicheskikh suzhenii: problemy kommunikatsii na tsifrovyykh platformakh* [Outsourcing of political thinking: Problems of communication on digital platforms], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Belsky, V., Markevich, D. and Satolina, M. (2019), "Conceptual areas of legal support for the implementation of artificial intelligence", *The Science and Innovations*, no. 11, pp. 58–63.

Bykov, I. A. (2020), "Artificial intelligence as a source of political thinking", *Journal of Political Research*, vol. 4, no. 2, pp. 23–33, <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-23-33>.

Vasilkova, V. V. and Legostaeva, N. I. (2019), "Social bots in political communication", *RUDN Journal of Sociology*, vol. 19, no. 1, pp. 121–133, <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2019-19-1-121-133>.

Vinogradova, E. V., Polyakova, T. A. and Minbaleev, A. V. (2021), "Digital profile: The concept, regulatory mechanisms and enforcement problems", *Pravoprimerenie*, vol. 5, no. 4, pp. 5–19, [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5\(4\).5-19](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2021.5(4).5-19).

Volodenkov, S. V. (2022), "Theorizing digital politics in Russian and foreign studies", *RUDN Journal of Political Science*, vol. 24, no. 3, pp. 339–350, <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-339-350>.

Dallakian, K. A. (2020), "Technosocial inequalities in the digital age", *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, vol. 26, no. 1, pp. 82–96, <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-82-96>.

Ivanov, V. G. and Ignatovskiy, Ya. R. (2020), "Deepfakes: Prospects for political use and threats to the individual and national security", *RUDN Journal of Public Administration*, vol. 7, no. 4, pp. 379–386, <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2020-7-4-379-386>.

Il'ina, E. M. (2020), "Political science dimension of digital transformation: From theoretical conceptualization to the academic discipline", *Vestnik of Brest University. Series 1: Philosophy, politology, sociology*, no. 2, pp. 87–93.

Kai-Fu Lee (2019), *Sverkhderzhavy iskusstvennogo intellekta. Kitai, Kremnievaya dolina I novyi mirovoi poryadok* [AI superpowers: China, Silicon Valley, and the new world order], translated by Konstantinova N., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, Russia.

Karpov, O. E. and Khramov, A. E. (2022) *Informatsionnye tekhnologii, vychislitel'nye sistemy i iskusstvennyi intellekt v meditsine* [Information technologies, computing systems and artificial intelligence in medicine], DPK Press, Moscow, Russia.

Konkov, A. E. (2019), "Digitalization in political relations: Planes for perception and mechanisms for transformation", *Outlines of global transformations: Politics, economics, law*, vol. 12, no. 6, pp. 6–28, <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2019-12-6-1>.

Kutakhov, V. P. and Titov, A. E. (2021), "Large-scale aviation systems with unmanned aerial vehicles – A new paradigm of combat operations", *Vozdushno-kosmicheskie sily. Teoriya I praktika*, no. 19, pp. 212–221, <https://doi.org/10.24412/2500-4352-2021-19-212-221>.

Markoff, J. *Homo Roboticus? Lyudi i mashiny v poiskakh vzaimoponimaniya* [Machines of loving grace: The quest for common ground between humans and robots], translated by Ionov, V. and Maharadze, S., Al'pina non-fikshn, Moscow, Russia.

Morkhat, P. M. (2018), *Pravo i iskusstvennyi intellekt* [Law and artificial intelligence], YuNITI-DANA, Moscow, Russia.

Pashkevich, V. M. (2017), "Automation of design and testing of reducing mechanisms based on the use of functional semantic networks", *Vestnik Belorussko-Rossiiskogo universiteta*, no. 4, pp. 51–59.

Polevoy, N. A. (2011), "Use of artificial neuron networks in political processes research", *Kazan Science*, no. 3, pp. 200–203.

Rassel, S. and Norvig, P. (2006), *Iskusstvennyi intellekt. Sovremennyyi podkhod* [Artificial intelligence. A modern approach], translated by Ptitsyn, K. A., Williams, Moscow, Russia.

Reshetnikov, S. V. (2003), *Teoriya protsessa prinyatiya upravlencheskikh reshenii* [Theory of the managerial decision-making process], Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.

Rouvinsky, R. Z., Rouvinskaya, E. A. and Komarova, T. D. (2021), "Public perception of the practices of digital profiling and social score: The situation in Russia and China", *Sociodinamika*, no. 12, pp. 56–76, <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.12.36824>.

Sokolov, I. A. (2019), "Theory and practice of application of artificial intelligence methods", *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 89, no. 4, pp. 365–370, <https://doi.org/10.31857/S0869-5873894365-370>.

Fedorchenko, S. N. (2020a), "The importance of artificial intelligence for the political regime of Russia: Problems of legitimacy, information security and soft power", *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, no. 1, pp. 41–53, <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2020-1-41-53>.

Fedorchenko, S. N. (2020b), "Artificial intelligence in politics, media and public administration: Reflections on the thematic portfolio", *Journal of Political Research*, vol. 4, no. 2, pp. 3–9, <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-3-9>.

Yasnitsky, L. N. (2008), "On the possibilities of using artificial intelligence methods in political science", *Bulletin of Perm University. Political Science*, no. 2, pp. 147–155.

Davenport, T. (2018), *The AI advantage: How to put the artificial intelligence revolution to work*, MIT Press, Cambridge, MA, US.

Domingos, P. (2015), *The master algorithm: How the quest for the ultimate learning machine will remake our world*, Basic Books, NYC, NY, US.

Dommett, K. (2019), "Data-driven political campaigns in practice: Understanding and regulating diverse data-driven campaigns" [Online], *Internet Policy Review*, vol. 8, no. 4, pp. 1–18, <https://doi.org/10.14763/2019.4.1432>, available at: <https://policyreview.info/articles/analysis/data-driven-political-campaigns-practice-understanding-and-regulating-diverse-data> (Accessed June 27, 2022).

Ganascia, J.-G. (2018), "Artificial intelligence: Between myth and reality", *The UNESCO Courier*, no. 3, pp. 7–9 [Online], available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000265238> (Accessed June 27, 2022).

Barr, A. and Feigenbaum, E. A. (eds.) (1981), *Handbook of artificial intelligence*, in 3 vol., vol. 1, William Kaufman, Inc., Los Altos, CA, US.

Kostka, G. (2019), "China's social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval", *New Media & Society*, vol. 21, no. 7, pp. 1565–1593, <https://doi.org/10.1177/1461444819826402>.

O'Neil, C. (2016), *Weapons of math destruction: How Big Data increases inequality and threatens democracy*, Crown Publishing Group, NYC, NY, US.

Information about the author

E. M. Ilyina – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Law, Belarusian State University, 4 Nezavisimosti ave., Minsk, 220030, Republic of Belarus

SPIN-code (RSCI): 4712-3130

AuthorID (RSCI): 963457

Web of Science ResearcherID: CAI-4574-2022

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 09.06.2022; approved after reviewing 08.08.2022; accepted for publication 08.08.2022.